

ЧЕТВЕРТАЯ (ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ) МИРОВАЯ ВОЙНА И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ:

когда культура важнее экономики

Завершение Третьей («холодной») мировой войны привело к прекращению мировых конфликтов как противостояния мировых держав, примерно равных по военной мощи. Однако завершение «холодной войны» стало одновременно началом нового глобального конфликта, который часто называют Четвертой мировой войной.

Речь идет о противостоянии «богатых» стран (прежде всего, стран европейской цивилизации) и многочисленных террористических организаций, выступающих от лица народов «бедных» стран (прежде всего, стран ислама). События 9 сентября 2001 г. стали символом новой эпохи, в которой противником мировых держав выступают террористы, обладающие очень незначительной (в сравнении с теми, против кого они выступают) военной мощью, но способные путем использования диверсионной тактики наносить очень чувствительные удары.

Политический терроризм стал устойчивым фоном мировой истории с 1970-х гг., постепенно превратившись из эпизодических событий в постоянный фактор жизни почти всех регионов планеты. Знаковыми событиями генезиса современного политического терроризма считаются убийство израильских спортсменов палестинскими террористами на Мюнхенской олимпиаде 1972 г. и убийство «красными бригадами» экс премьер-министра Италии А. Моро в 1978 г.

Долгое время считалось, будто главная причина развития терроризма — это мировое противоборство капиталистического и коммунистического лагерей в Третьей мировой («холодной») войне. При этом террористы рассматривались как явные или скрытые агенты одной из сторон: итальянские «красные бригады», германский РАФ, латиноамериканские городские партизаны и т.д. поддерживаются-де «красными», а афганские моджахеды и нигарагуанские контра — «демократами». Терроризм по существу считался аналогом партизанских действий во время войн. Мир был фактически поделен на сферы влияния, и каждая из сторон, осуждая «чу-

жих» террористов, поддерживала (гласно или негласно) «своих». Впрочем, уже в 1980-е гг. начал бурно расти исламистский терроризм, но его до поры можно было считать исключением из правил.

Когда в начале 1990-х гг. Третья мировая война окончательно завершилась, то ожидалось, что и терроризм как метод политической борьбы также пойдет на спад. Ожидания категорически не оправдались.

С одной стороны, террористы самих развитых странах свою деятельность значительно умерили: в Италии, Германии и Японии леворадикальный терроризм, в Ирландии и Испании националистический терроризм перестали восприниматься как реальная угроза национальной безопасности. Но зато резко возросла активность террористов из «третьего мира» (Ближний Восток, Колумбия, Цейлон), руководствующихся чаще всего не светско-идеологическими, а националистическими или религиозными ценностями. Террористический акт 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, ответственность за который взяла на себя исламистская «Аль-Каида», называют началом Четвертой мировой (террористической) войны. Фактически, однако, она началась десятилетием раньше: знаковым событием рождения «самостоятельного» терроризма, не связанного с противоборством сверхдержав, надо считать убийство «Братьями-мусульманами» египетского президента А. Садата 6 октября 1981 г.

Если сравнить периоды Третьей и Четвертой мировых войн, то общее количество терактов скорее сократилось, но количество жертв террора заметно возросло. Самое главное, качественно возросло их влияние на политическую и экономическую жизнь мирового сообщества. Если ранее терроризм считался проблемой лишь отдельных стран, то в 1990-е гг. его стали называть в числе глобальных проблем современности — проблем, которые касаются всех (или большинства) стран мира и решаться могут тоже только объединенными усилиями мирового сообщества. Именно тогда родилось понятие «международный терроризм» как негативное проявление глобализации.

Итак, терроризм активно развивается уже примерно 40 лет. За это время накоплена обширная база данных о терактах и деятельности террористических организаций. Можно ли при помощи количественных методов проверить, насколько развитие

терроризма зависит от геоэкономических факторов? Да, такие аналитические работы уже есть. Рассмотрим в качестве примера исследование, проведенное профессором Нотрдамского университета Омаром Лизардо*.

Американский исследователь сосредоточился на определенном виде терроризма — международном. Под международным терроризмом понимается любой акт терроризма, который выходит за рамки политически закрепленных национальных границ или же в котором организации или люди одной страны выбирают своей целью объекты или людей другой национальной группы. О. Лизардо ограничился рассмотрением деятельности только тех террористических межнациональных групп или организаций, которые выбирали своей целью объекты США либо объекты, затрагивающие американские интересы. О. Лизардо считает этот терроризм наиболее важным видом современного терроризма, потому что именно он направлен против главной руководящей силы глобализации — США.

Омар Лизардо выделил два вида глоболизирующих тенденций — экономическую глобализацию и культурную глобализацию. В первом случае речь идет о втягивании всех стран мира в международную торговлю, международное движение капиталов и т.д., во втором — о росте числа и значения международных неправительственных организаций, претендующих на частичный перехват регулирующих функций у национальных государств.

Далее он решил проверить, какая из гипотез более справедлива:

– экономическая/культурная глобализация ускоряет рост антиамериканской террористической деятельности («деструктивная глобализация»), или

– экономическая/культурная глобализация замедляет рост антиамериканской террористической деятельности («конструктивная глобализация»).

Для проверки этих гипотез в качестве зависимой переменной Лизардо использовал массив ежегодных данных о количестве

* Lizardo O. The Effect of Economic and Cultural Globalization on Anti-US Transnational Terrorism 1971–2000 // // Journal of World-Systems Analysis. 2006. Vol. 12. № 1 . — Режим доступа: <http://jwsr.ucr.edu/archive/vol12/number1/pdf/jwsr-v12n1-lizardo.pdf> При составлении реферата были использованы некоторые материалы Ю.В. Латова.

международных террористических актов, направленных против американских интересов. Эти данные собирались Государственным Департаментом США с 1968 г. и включают в себя информацию об американской собственности и американских гражданах, пострадавших от террористов. О. Лизардо использовал данные за 30-летний период с 1971 по 2000 гг., предшествующие знаменитому теракту 11 сентября в США. Табл. 1 показывает некоторые наиболее знаменитые антиамериканские теракты, включенные в ряд данных.

Таблица 1

Наиболее известные антиамериканские террористические акты, включенные в годовые отчеты Государственного департамента США

Дата терактов	Описание
4 мая 1973 г.	Генеральный консул США в Гваделлахаре (Мексика) похищен членами Народных Революционных Вооруженных Сил
31 августа 1981 г.	«Фракция Красной Армии» (РАФ) взорвала бомбу на военно-воздушной базе США в Рамштайне (Западная Германия)
24 апреля 1987 г.	16 американских военнослужащих, направлявшихся на автобусе на греческую воздушную базу около Афин, ранены в результате взрыва бомбы революционной организацией «17 Ноября»
15 января 1990 г.	Революционное движение Тупака Амару взорвало бомбу около посольства США в Лиме (Перу)
8 марта 1995 г.	Неизвестные убили двух американских дипломатов и ранили третьего в Карачи (Пакистан)

По этим репрезентативным примерам можно сделать несколько выводов:

(1) теракты были направлены как против имущества (например, здания посольства), так и против конкретных людей (в частности, дипломатов);

(2) они совершались как неизвестными людьми, так и известными террористическими организациями;

(3) большинство из террористических актов, нацеленных именно против Соединенных Штатов, было организовано не на территории США.

Для тестирования сформулированных выше гипотез Лизардо использовал индикаторы экономической и культурной глобализации.

Глобализация в торговле измерялась двумя переменными — количеством соглашений о свободной торговле, заключенных за рассматриваемый период, и процентом международной торговли в валовом мировом продукте (ВМП), которая отражает долю глобальной экономики. Кроме торговой глобализации О. Лизардо учитывал также финансовую глобализацию, которая измеряется как доля общих прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в ВМП и служит показателем уровня мобильности капитала, денежных потоков и переводов.

Культурная глобализация измерялась у О. Лизардо числом международных неправительственных организаций (МНО), которые зарегистрированы в ООН.

Таблица 2

Оценки коэффициентов регрессий с количеством террористических актов в качестве зависимой переменной (1970–2001 гг.)

	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4
Количество атак в предыдущем периоде	0,0037	0,002	0,0018	0,0019
	(–5,23)	(–3,01)	(–2,43)	(–2,57)
Количество государств		0,0488	0,061	0,0562
		(–3,12)	(–3,92)	(–3,31)
Холодная война		–0,2546	–0,2712	–0,2404
		(–2,18)	(–1,82)	(–1,54)
Количество МВП при участии США		0,0091	–0,0010	0,0006
		(–0,65)	(–0,05)	(–0,04)
Мировая торговля как процент ВМП			–0,0328	–0,0266
			(–3,01)	(–3,00)
Количество местных соглашений о свободной торговле			–0,0187	–0,0230
			(–1,54)	(–1,81)
ПИИ как процент ВМП			0,726	0,5547
			(–5,7)	(–4,25)
Количество зарегистрированных в ООН МНО				0,7732
				(–2,45)
Статистика отклонения модели от нормы	2,19	1,55	1,08	1,05
Псевдо — R ²	0,15	0,52	0,63	0,64

Лизардо включил также в свое клиометрическое исследование три контрольных переменных, которые характеризуют: состав международной государственной системы и иностранную политику, а также международную обстановку и конфликты, которые могли повлиять на террористическую активность. Прежде всего, он ввел фиктивную переменную для периода после «холодной войны» (с 1989 г.), чтобы привлечь внимание к переходу от биполярного международного порядка времен «холодной войны» к униполярному (моноцентричному) послевоенному порядку. Далее, важно также общее количество государств в системе. Это позволяет отследить как динамика националистской борьбы, связанная с возникновением новых национальных государств, может повлиять на уровень терроризма. Чтобы учесть возможный эффект американских военных вторжений в другие государства, О. Лизардо включает в качестве переменной количество международных военных переговоров (МВП), в которых участвовали США.

Для проверки исходных гипотез О. Лизардо построил четыре модели, последовательно их усложняя.

Модель 1 — это базовая модель, в которой проверяется наличие автокорреляции. Эта модель показывает, что положительная автокорреляция имеет место, отвечая за 15% вариации в зависимой переменной. Это значит, что более активная террористическая деятельность в предыдущем периоде влечет за собой дальнейший ее рост в следующих периодах.

Модель 2 вводит три контрольные переменные: количество государств; переменную, ответственную за холодную войну; количество международных военных переговоров, проходивших при участии США. Как видно, введение этих переменных во многом улучшает значимость модели, которая теперь уже объясняет 52% вариаций зависимой переменной. «Холодная война» отрицательно влияет на число антиамериканских террористических атак — это подтверждает мнение, что антиамериканский терроризм ослаб в сравнении со временем его процветания в 1970–1980-х гг. Размер государственной системы также значим, но положительно влияет на зависимую переменную. Это согласуется с предположением о положительном влиянии роста числа слабых государств периферии и полупериферии на террористи-

ческую деятельность. Коэффициент при количестве международных военных переговоров оказался не значимым.

Модель 3 — это простая модель экономической глобализации. И статистика отклонения модели от нормы, и псевдо- R^2 показывают, что включение показателей торговой и финансовой глобализации в значительной степени улучшает модель. Статистика отклонения модели от нормы уменьшилась на 31%, а R^2 увеличился до 63%. Знаки коэффициентов при переменных, отвечающих за мировую торговлю, показывают, что экономическая глобализация, вероятно, оказывает отрицательное (сдерживающее) влияние на рост терроризма, хотя коэффициент при количестве соглашений не достиг статистической значимости. Зато отрицательный коэффициент при доле мировой торговли в ВВП значим. Следует отметить, что после введения в модель эффектов экономической глобализации исчез эффект холодной войны. Это свидетельствует о том, что он был полностью вызван экономическими условиями. Гипотезу о «деструктивной глобализации» подтверждает коэффициент прямых иностранных инвестиций, который к тому же значим. Однако его влияние не очень существенно.

Модель 4 включает данные о культурной глобализации, т.е. показатель распространения мировой культуры. Подтверждая гипотезу о «деструктивной глобализации», культурная глобализация в модели ассоциируется с более высокими темпами роста терроризма. Включение в модель данных о международных неправительственных организациях чуть улучшает пригодность модели, что подтверждается показателями отклонения модели от нормы и псевдо- R^2 .

Для проверки, действительно ли именно антиамериканская направленность терроризма играет большую роль, О. Лизардо попробовал построить модели 3 и 4 с использованием данных о количестве террористических атак, которые не были направлены против интересов США. Теперь уже ни одна из экономических или культурных переменных, которые до этого были значимы, не оказалась значимой. (Единственное исключение составляла финансовая глобализация, которая оказывала положительное влияние на число смертей от терактов.) Полученные результаты доказывают, что теракты, направленные против Америки, силь-

нее зависят от глобализации, чем теракты, которые направлены против других стран.

Таким образом, культурная глобализация является ключевым механизмом, противодействующим влиянию интеграции в систему мировой торговли как фактора снижения террористической активности. Стимулирующий терроризм эффект культурной глобализации противоречит тезису Фукуямы о «конце истории» и подтверждает альтернативную точку зрения Хантингтона о «столкновении цивилизаций».

М.Д. Винокуров